

С. Л. Кузьмин

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ИСТОРИИ ЛАДОЖСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Старая Ладога остается одним из ключевых памятников в изучении процесса градобразования на Руси и Балтике. Материалы археологических раскопок на разных этапах исследования ее культурного слоя служили подтверждением тех или иных гипотез о путях становления раннегородских организмов.

Вряд ли стоит сомневаться, что Ладога VIII–IX вв. не была рядовым аграрным поселением, эволюционирующим в древнерусский город, как это виделось исследователям середины нашего века (Равдоникас 1950а, Равдоникас 1950б, Греков 1949: 44, 101–103), хотя до сих пор такая точка зрения имеет сторонников (Фроянов 1992). Однако восторженные оценки начальной Ладоги как «международной пристани», «организатора и важнейшего пункта караванной и местной торговли» и т. п. (Кирпичников 1985: 24; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 192), имевшего эти функции с момента основания, явно основываются на суммарной оценке ладожских древностей горизонта Е, не расчлененных во времени.

Не останавливаясь на историографии вопроса, нужно сделать ряд методических замечаний. Без их учета та или иная модель процесса, завершившегося появлением города, остается малодоказанной умозрительной схемой.

Нижние горизонты культурного слоя Старой Ладоги (далее просто Ладоги) прекрасно сохранились, а в настоящее время, расчленены на яруса синхронной застройки и дендродатированы (Рябинин 1985; Черных 1985а; Петренко 1985; Черных 1985б; Ряби-

нин, Черных 1988; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986; Кузьмин, Мачинская 1989; Кузьмин: в печати). Возможно вычленение участка первоначальной застройки и соотнесение ее с реконструкцией древнего рельефа.

Необходимо решение ряда ключевых вопросов:

– Каковы размеры первоначального поселения в середине VIII – начале IX в.

– Была ли социальная и демографическая ситуация на поселении неизменна или резко менялась.

– Каково соотношение древнейшего Ладожского поселения с памятниками округа (могильники и поселения Нижнего Поволжья).

Изучение культурных напластований Земляного городища ведется с перерывами в течение всего нашего столетия. Работами экспедиций под руководством Н.И.Репникова (1909–1913 гг.), В.И.Равдоникаса (1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 гг.), Е.А.Рябинина (1973–1975, 1981–1982, 1984–1985 гг.) и А.Н.Кирпичникова (с 1984 г.) вскрыта значительная часть этого памятника. Общая площадь раскопок приближается к 3000 кв. м. Раскопы Репникова–Равдоникаса–Рябинина смыкаются, частично перекрывая друг друга, с северо-востока к ним примыкает неоднократно исследовавшийся собор св. Клементя XII в., строительство которого сильно нарушило напластования на данном участке.

Попробуем определить примерную площадь и границы отложений середины VIII–начала IX в.

Укрепления бастионного типа, придавшие Земляному городищу современный облик, очерчивают максимально возможную площадь

изначального поселения: около 120 x 120 м, т.е. до 1,5 га (Рябинин 1985: рис. 1). Однако реально она гораздо меньше. Слои VIII–IX вв. отсутствуют в прилегающей к р. Волхову восточной части. В раскопе В.И. Равдоникаса 1938 г. остатки деревянных укреплений залегали на культурном слое прямо под дерном. Раскрытые ниже слои сформировались не ранее X в. (Архив ИИМК РАН. Ф.35. № 235. Л.5–8.). Цикл работ А.Н. Кирпичникова в северо-западном бастионе еще не окончен, но уже сейчас можно уверенно констатировать отсутствие здесь слоя ранее 2-й половины IX в. или даже рубежа IX–X вв. (любезное сообщение В.А. Назаренко). Таким образом, размеры первоначальной зоны освоения, до появления застройки на левом берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы, где наиболее ранняя дендродата 842 г. (Черных 1985: 123), не превышают 0,6–0,7 га — около 70 x 90 м.

Возможно ли выделение пятен застройки синхронной поселению на Земляном городище в первые десятилетия его существования за его пределами?

Мне кажется что ответ будет скорее отрицательным. Кроме анализа древней топографии центральной части Старой Ладogi, необходимо отметить наличие к югу от городища грунтового могильника с трупосожжениями, площадь которого какое-то время распахивалась, а затем была перекрыта культурным слоем (Орлов 1941: 115–118). К северу от городища, в районе каменной крепости слой начал накапливаться не ранее рубежа IX–X вв. (Корзухина 1961: 82–87), к востоку протекает Волхов. Единственным перспективным местом пока остается территория западнее городища, но наблюдения З.Д. Бессарабовой над культурными отложениями в строительных траншеях не фиксируют стратиграфическую ситуацию, аналогичную нижним слоям городища и Варяжской улицы, а вещевой комплекс датируется в широких рамках конца I тысячелетия н. э. (Бессарабова 1996: 25–28). Возможно, что какое-то поселение, синхронное ранней застройке Земляного городища находилось к северу от Никольского монастыря (Бессарабова 1995: 54–64), правда, в таком случае вряд ли можно рассматривать разделенные могильником и сельскими угодьями поселки небольших размеров как некий единый организм.

Итак, на настоящем этапе исследования ясно, что ладожское поселение 2-й половины VIII–начала IX в. локализуется исключительно на внутренней площадке Земляного городища, причем только в ее центральной и западной части. Каких-либо других крупных участков застройки этого времени найти не удастся и шанс их выявления весьма мал. Площадь поселения до начала IX в. не превышала 0,6–0,7 га, возможно, была и меньше. Учитывая размеры исследованного раскопами Репникова–Равдоникаса–Рябинина древнейшего участка (более 2500 кв. м), следует считать, что раскрыто не менее 40–50 процентов площади (рис. 1).

Такая степень изученности вполне достаточна для корректных выводов о начальном этапе ладожской истории. Даже в ходе дальнейших раскопок вряд ли удастся вскрыть сопоставимую площадь, поскольку не вся поверхность городища доступна. Общая площадь раскопов Репникова–Равдоникаса–Рябинина сравнима с размерами средневековых новгородских усадеб Неревского конца: около 2000 кв. м.

Важно установить, в каких топографических условиях возникает Ладога. Традиционно бытует точка зрения, что ладожское поселение изначально неукрепленное. Вряд ли это совсем верно.

Местность, в которой появились первые насельники, представляла собой низкую надпойменную террасу в устье р. Ладожки. Вдоль берега Волхова имелись возвышения–останцы, поднимавшиеся над уровнем надпойменной террасы на 2–4 м и на 4–7 м над поверхностью Волхова. Одно из них расположено на стрелке мыса образованного впадением Ладожки в Волхов. Сейчас здесь находится каменная крепость. К югу от него, под валами Земляного городища, — всхолмление, в древности имевшее наибольшее превышение над уровнем надпойменной террасы. Еще южнее, практически незаметное, третье, сходящее на нет к Никольскому монастырю, за которым начинается крутой коренной берег Волхова.

Основания двух первых возвышений составляют песчанниковые пласты. Возвышения, судя по всему, были разделены какими-то водотоками, связанными с Ладожкой. О существовании их говорят следующие факты. Между каменной крепостью и Земляным городищем наблюдается большой овраг, появле-

ние которого невозможно объяснить проведением фортификационных работ. Скорее напротив — направление этих работ определялось его наличием (использован как преграда с напольной стороны крепости). Понижение четко прослеживается под южным пряслом крепости и плохо на участке между Клементовской башней, мостом через Ладожку и северо-западным бастионом Земляного городища, что объясняется значительными подсыпками грунта в сравнительно позднее время: т.н. траншеи III и IV по З.Д. Бессарабовой иллюстрируют этот факт (Бессарабова 1996: 26–27).

Необходимо определить, существовали ли естественные преграды у древнейшей части поселения, т.е. возвышенности ныне занятой Земляным городищем. Именно вокруг нее с достаточной степенью достоверности можно реконструировать древнюю протоку. Материал, из которого насыпана значительная масса тела бастионов и куртин — белый речной песок (Репников 1948: 16, 23–28, рис.9; Рябинин 1985: рис.2), извлеченный где-то поблизости. Если учесть, что вокруг укреплений залегают преимущественно плотные песчаниковые породы, либо глина, либо культурный слой, то становится ясно: песок был взят из донных отложений, при этом трасса рвов Земляного городища частично совпала с направлением древнего водотока. Раскоп А.Н.Кирпичникова в северо-западном бастионе выявил резкое понижение первоначального рельефа (Кирпичников 1994: 14; Кирпичников, Богуславский 1996: 47), продолжающееся в северном направлении в сторону Ладожки (Бессарабова 1996: 25–26).

Вероятно, под толщей средневековых отложений скрывается один из рукавов или старица притока Волхова. Обращает на себя внимание и факт сильного расползания северо-западного и юго-западного бастионов, спешно строившихся после «Нарвской конфузии» 1700 г. Они, в отличие от юго-восточного бастиона, использовавшего под основу песчаниковую плиту возвышенности, перекрыв древний водоток, подверглись большей деформации. Заметим, что осадный водоем был устроен именно внутри юго-западного бастиона.

Исходя из вышесказанного, весьма вероятно наличие в момент освоения площадки Земляного городища водоемов, отделявших ее от остальной территории низовьев Ладожки.

Были ли они заполнены водой в это время, сказать трудно. Но несомненно, и заболоченные, и высохшие их русла служили определенными естественными преградами.

Со стороны Волхова площадка городища, как уже говорилось, ограничивалась высоким (до 7 м), обрывистым берегом, укрепление которого не потребовало дополнительных земляных работ даже в XVI–XVIII вв. Наиболее высокий ее участок примыкает к волховскому берегу, а в западном направлении, где и локализуется изначальная застройка, фиксируется понижение, достигающее 1,5–2 м.

Подведем некоторые итоги. Топография начального ладожского поселения явно не подходит на топографию древнерусских и северо-европейских т.н. «торгово-ремесленных» поселений эпохи викингов: ограниченная естественными условиями зона застройки, закрытая акватория, предельно малые размеры, сохранявшиеся в течение 50–60 первых лет существования поселения. На участке, исследованном Н.И.Репниковым, В.И.Равдоникасом и Е.А.Рябининым в рамках I–III строительных ярусов (по Кузьмину и Мачинской) выявляется от 3 до 5 жилых построек. Даже если на нераскопанной площади находится такое же их количество, то вряд ли население поселка превышало сотню человек, но и эта оценка, конечно, завышена. Поселение было достаточно укреплено природой, а наблюдения за динамикой накопления культурного слоя позволяют высказать предположение о наличии ограды, по крайней мере с западной стороны. Рассматривать его в это время как некий значительный центр нет никаких оснований.

Серия дендродат определяет время заселения площадки Земляного городища — 750-е гг. К этому времени относится открытая Е.А.Рябининым кузнечно-ювелирная мастерская (Рябинин 1994: 5–59). К начальному этапу жизни на поселении принадлежит и ряд сооружений в раскопах В.И.Равдоникаса и Н.И.Репникова, составляющих вместе с мастерской I ярус, залегающий на древней почве (рис.2). Жилища I яруса представляют собой дома каркасно-столбовой конструкции с очагом в центре. Очаг делит внутреннее пространство дома на три поперечные, а ряды столбов, поддерживающих кровлю, на три продольные части. Зафиксированы предвходные настилы и настилы в передней трети жили-

ща. Такая конструкция дома близка североевропейскому халле и встречается на обширных пространствах севера Европы в средневековье. Однако точных аналогий ладожским «большим домам» пока не найдено. Набор индивидуальных находок достаточно ярко характеризует культурный облик первопоселенцев. Овальная скорлупообразная бронзовая фибула, языковидное кресало, колесовидные бляшки, фрагмент гривны из перевитого дрота (?), фризские костяные гребенки, бронзовое навершие с изображением Одина и, наконец, «клад» инструментов находят ближайшие аналогии в североевропейском круге древностей. С мастерской связаны отдельные предметы восточноевропейского происхождения, но их присутствие в материалах I яруса может быть и не связано с постоянным проживанием на поселении носителей соответствующей традиции (Рябинин 1994: 49–50). В том или ином случае нет сомнения, что первыми обитателями Ладоги были люди, среди которых доминирующее положение занимала группа норманнов. Представляется, что эта группа была весьма немногочисленна и достаточно монолитна. Носители иных культурных традиций, если и были в ее среде, то занимали далеко не ведущее место. Создается впечатление, что перед нами поселение единой «общины». Анализ планиграфии построек подтверждает данный тезис. Круговая застройка с включенной в нее мастерской, отсутствие обособленных жилищно-хозяйственных комплексов, малое число жилищ и, соответственно, их обитателей позволяют рассматривать Ладогу 750–760х гг скорее как единую усадьбу, чем как поселение-зародыш города.

Положение об изначальном торгово-ремесленном характере Ладоги основывается, с одной стороны, как отмечалось выше, на суммарной оценке ее материалов VIII–IX вв., не расчлененных по времени, с другой – на находке ремесленной мастерской и связанного с ней «клада» инструментов. Кавычки в данном случае не случайны, ибо обстоятельства залегания в слое набора инструментов отличны от обычных.

Яркость рассматриваемого комплекса кроется в следующем. Нигде в Европе не сохранились так хорошо органические строительные остатки, связанные с кузнечным производством (Рябинин 1994: 19–22). Мастерская

оказалась запечатанной позднейшими напластованиями и удивительно прекрасно сохранилась. В случаях, когда слои поселения органику не сохранили и длительное время подвергались распашке, а такие явно преобладают, подобные сооружения почти невозможно проследить. «Клад» представляет собой набор инструментов и отдельных предметов, залежавших, в основном, по стенкам и дну обводной канавки т.н. «холодной» кузнечно-слесарной ювелирной мастерской. Они попали туда явно в теплое время года, когда канавка заполнялась водой. Инструменты разбросаны на площади 1х0,8 м, и не прослежено никаких следов обертки или иного вместилища (Рябинин 1994: 23–24). Так прятать нормальный клад по меньшей мере странно. Скорее мы имеем дело с опрокинутым верстаком. В любом случае и попадание «клада», и его неизъятие из заполненной водой канавки нужно связывать с какой-то экстраординарной ситуацией. Конечно, по времени ладожская находка самая ранняя на Балтике, но следует заметить, что и мястермюрский клад (о. Готланд, около 1000 г.) обнаружен на дне озера, т. е. перед нами опять экстраординарная ситуация. Находки целостных инструментариев уникальны и делать на их основании далеко идущие выводы о времени становления ремесла преждевременно. Нельзя однозначно говорить и о присутствии на поселении ремесленников-профессионалов, если понимать под этим термином социальную характеристику людей, для которых работа с металлом является основным занятием и источником существования, которые лично свободны и являются полноправными членами коллектива. Социальный статус мастера может колебаться в пределах от главы знатного рода (например Скаллагримм «Саги об Эгиле», находки клещей и молотков в погребениях вендельской аристократии) до купленного или захваченного за морем раба. По отдельности же инструменты представленные в ладожском «кладе» встречаются очень широко, вплоть до Крайнего Севера (Овсяников 1994: 150, 153). Симптоматично, что Е.А.Рябинин в качестве аналогии ладожской мастерской приводит материалы Опутятского городища второй половины V–начала VI в. в Верхнем Прикамье (Рябинин 1994: 20). Таким образом, ладожский ремесленный комплекс 750–760-х гг. уникален, в первую оче-

редь, условиями своей археологизации (сохранность органики, «клад» инструментов). Спектр кузнечно-ювелирных, столярных и слесарных операций достаточно универсален (Рябинин 1994 : 52–53) и вовсе не обязательно связан с обслуживанием дальней заморской торговли.

Принципиальным является вопрос о наличии в слоях ладожского поселения этого времени «импортов», не связанных с Северной Европой и лесной зоной Восточной Европы, ибо только их наличие может подтвердить существование в этот период трансевразийского пути проходившего через Ладогу. Находка дирхема 699/700 г. в слое шлаков, связанном с кузницей, еще не может свидетельствовать о начале регулярного поступления арабского серебра на север Руси и Балтику. Существенный, более чем полувекковой, разрыв с момента чеканки и выпадения монеты в слой, в сравнении с несколько более поздними материалами, подтверждает это (Рябинин 1985: 73). Вероятно, монета попала в Ладогу не напрямую из стран Халифата, а с другой, промежуточной территории.

В связи с этим весьма любопытна находка деталей т.н. неволинской поясной гарнитуры из погребения в основании сопки № 140 в урочище «Победище» (14–II по В.П.Петренко). Нижний ярус этой насыпи по мнению большинства исследователей датируется, на основании аналогичных предметов погребальных комплексов Верхнего Прикамья и Финляндии, VII – 3-й четвертью VIII в. (Яблоник 1987: 22) и является, по сути дела, самым ранним памятником ладожской округи (Петренко 1994: 88, 90). Длительные и устойчивые связи между Скандинавией и Верхним Прикамьем хорошо известны. Неволинские пояса четко маркируют их направление в VII–VIII вв. Поэтому кажется вполне вероятным попадание древнейшего ладожского дирхема в Поволжье именно из этого региона, длительные время аккумулировавшего восточное серебро.

Датировка нижнего яруса сопки № 140 позволяет соотнести его с материалами I яруса Земляного городища. До последующих подсыпок это был плоский курган, содержащий в основании погребение по обряду трупосожжения и треугольные каменные вымостки. Аналогии вымосткам такого типа исследователи находят в Скандинавии (Петренко 1994: 37–38).

Можно высказать ряд предположений относительно начала ладожской истории. Первыми поселенцами на территории Земляного городища была группа скандинавов, появившаяся в низовьях Волхова не позднее 750-х гг. Местность при впадении Ладожки в Волхов была освоена и ранее, в эпоху неолита и раннего железного века. Возможно, что первопоселенцам уже была известна эта местность, однако специфика заболоченных грунтов еще не отразилась на их домостроительной традиции. Появление скандинавов в Нижнем Поволжье в довикингский период нельзя рассматривать в связи с формированием путей с Балтики в страны Арабского Халифата. Скорее, это продолжение колонизационного движения охватившего Восточную Балтику в VI–VIII вв. (освоение Аландских островов; комплекс памятников в Гробине; могильник на о. Тютерс и др.). Весьма вероятно, что продвижение в Поволжье группы норманнов и существование линии устойчивых культурных контактов между Скандинавией и Верхним Прикамьем как-то связано. Небольшое поселение с немногочисленными жителями представляло собой скорее крупную усадьбу, но уж никак не протогородской центр. Пришельцы быстро вступили в контакт с носителями культурных традиций лесной зоны Восточной Европы, а может быть имели его еще ранее. По всей вероятности, колонизация имела земледельческую, охотничье-промысловую или военно-даническую направленность. Безусловно, не исключен и момент торгового обмена, но считать изначальную Ладогу торгово-ремесленным поселением на трансевразийской артерии нет никаких оснований.

Какова судьба древнейшего поселка? Есть основания говорить о разрыве культурной преемственности. К сожалению, находки из I и II ярусов плохо расчленяются стратиграфически, но соотношение ряда построек показывает, что на смену большим домам с очагом в центре где-то на рубеже 760–770х гг. приходят срубные жилища с печью-каменкой в углу. Е.А.Рябинин полагает, что постройка, перекрывающая разобранный горн кузницы, связана с новым этапом функционирования мастерской (Рябинин 1994 : 15–16). Однако деревянная конструкция внутри ограниченно бревнами пространства абсолютно идентична печкам печей-каменок в срубных домах II–V ярусов. Вероятно, перед нами остатки лет-

ней кухни. Несомненно появление на поселении носителей принципиально иной домостроительной традиции, для которой характерна развитая техника сруба, особые типы хозяйственных построек (в частности амбаров на пнях-стульях), уходящей корнями в мир культур лесной зоны Восточной Европы середины – 3-й четверти I тысячелетия н. э. (Кузьмин 1987: 23–25). Вероятно, с этими людьми связана серия украшений из оловянистых сплавов, ближайшие аналогии которым находятся в материалах городищ Псковского, Камно, Рыуге, Изборского и псковско-новгородских длинных курганов (Мачинская 1989: 17–18). В таком случае, грунтовый могильник с трупосожжениями, открытый С.Н. Орловым к югу от Земляного городища, обретает определенную позицию в мозаике ладожских древностей. Найденный в нем фрагмент металлической бляшки с тисненым орнаментом, являющейся украшением характерным почти исключительно для псковско-новгородских длинных курганов, и специфика обряда позволяют очертить вероятный исходный район миграции носителей данных культурных традиций. Так или иначе, новая группа поселенцев пришла в Поволховье из более южных районов Восточной Европы и формировании ее культурного облика приняли участие носители культуры псковско-новгородских длинных курганов.

Но самым, на наш взгляд, существенным аргументом в пользу отсутствия культурной и социодемографической преемственности в жизни поселения в 3-й четверти VIII в является факт выпадения и неизъятия «клада» инструментов. Есть все основания считать: I ярус застройки прекращает существование на рубеже 760–770-х гг. в результате военного столкновения группы скандинавов с пришель-

цами из более южных районов. Можно предположить, что проникновение их в низовья Волхова связано с процессом расселения исторического славянства на Северо-Западе.

Некоторые постройки II яруса погибли в пожаре около 780 г. После него, несмотря на культурную и планиграфическую преемственность II и III ярусов, в ладожских древностях наблюдается ряд существенных новаций, позволяющих говорить о новом этапе в жизни поселения, обусловленном началом циркуляции ценностей по пути «из Варяг в Арабы» и обращения арабского серебра на Руси и на Балтике. Но рассмотрение истории Ладоги в этот период требует отдельного исследования.

Таким образом, древнейшее поселение на Земляном городище возникает как один из крайних пунктов проникновения скандинавов на восток до начала эпохи викингов и формирования трансевразийской системы коммуникаций между регионом Балтики и странами Халифата. Возникновение «стационарного» скандинавского поселения в Поволховье определяет верхнюю хронологическую границу устойчивых контактов норманнов с населением Северо-Запада. Некоторые материалы I яруса прекрасно это подтверждают. Жизнь скандинавской колонии обрывается в результате продвижения на север носителей восточноевропейских культурных традиций, славян или приведенных ими в движение аборигенов. В первые десятилетия своего существования Ладога не была и не могла быть специализированным торгово-ремесленным поселком. Условия для ее эволюции в таковой появляются лишь к концу VIII в. (III ярус, около 780 – около 810 гг.), но в силу ряда исторических обстоятельств эта возможность будет реализована до конца только во 2-й половине IX в.

Список литературы

- Бессарабова З.Д. 1995. Новые сведения о древнем ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9: 54–65. Новгород.
- Бессарабова З.Д. 1996. Некоторые замечания к вопросу о топографии древней Ладоги // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. :25–28. С.-Пб.
- Греков Б.Д. 1949. Киевская Русь. М.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 3–26. Л.
- Кирпичников А.Н. Дубов И.В. Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: 189–298. М.
- Кирпичников А.Н. 1994. Исследования на Земляном городище в Старой Ладоге // АО 1993: 14–15

- Кирпичников А.Н. Богуславский О.И. 1996. Исследования в Старой Ладоге и Юго-Восточном Приладожье // АО 1995: 47-48.
- Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА 3: 71-94.
- Кузьмин С.Л. 1987. Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье // История и археология Новгородской земли: 23-25. Новгород.
- Кузьмин С.Л. Мачинская А.Д. 1989. Ладога и ее округа в VIII-X вв. (этапы становления средневекового города) // XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. док.: 142-144. М.
- Кузьмин С.Л. Ярусная стратиграфия Староладожского городища // в печати.
- Мачинский Д.А. Кузьмин С.Л. Мачинская А.Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII-X вв // X всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. док.: 164-166. М.
- Мачинская А.Д. 1989. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 17-19. Новгород.
- Овсяников О.В. 1994. Племенной центр летописной пещеры на берегу Ледовитого океана // Новые источники по археологии Северо-Запада: 133-163. С.-Пб.
- Орлов С.Н. 1941. Могильник в Старой Ладоге // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 10: 116-138. Л.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 81-116. Л.
- Петренко В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. С.-Пб.
- Репников Н.И. 1948. Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога: 11-69. Л.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 27-75. Л.
- Рябинин Е.А. Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА 1: 72-100.
- Рябинин Е.А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада: 5-59. С.-Пб.
- Фроянов И.Я. 1992. Мятежный Новгород. С.-Пб.
- Черных Н.Б. 1985а. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 76-80.
- Черных Н.Б. 1985б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 117-122. Л.
- Яблоник Д.Л. 1987. О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и археология Новгородской земли: 21-23. Новгород.

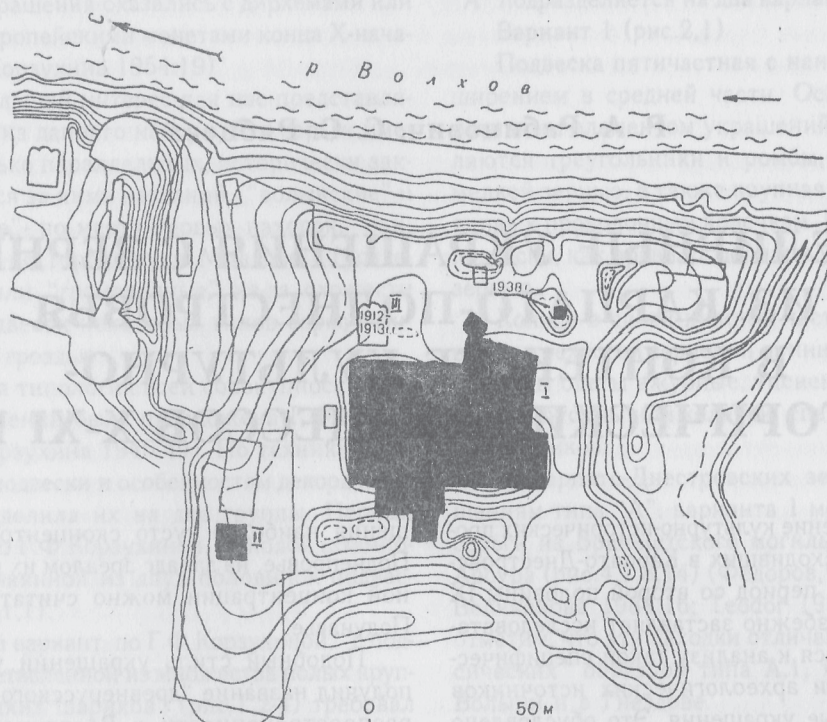

Рис. 1. Старорадожское Земляное городище. Схема раскопок.

I — Раскопы Н.И. Репникова, В.И. Равдоникаса, Е.А. Рябина.

II — Раскоп А.Н. Кирпичникова.

III — Собор Св. Клементя

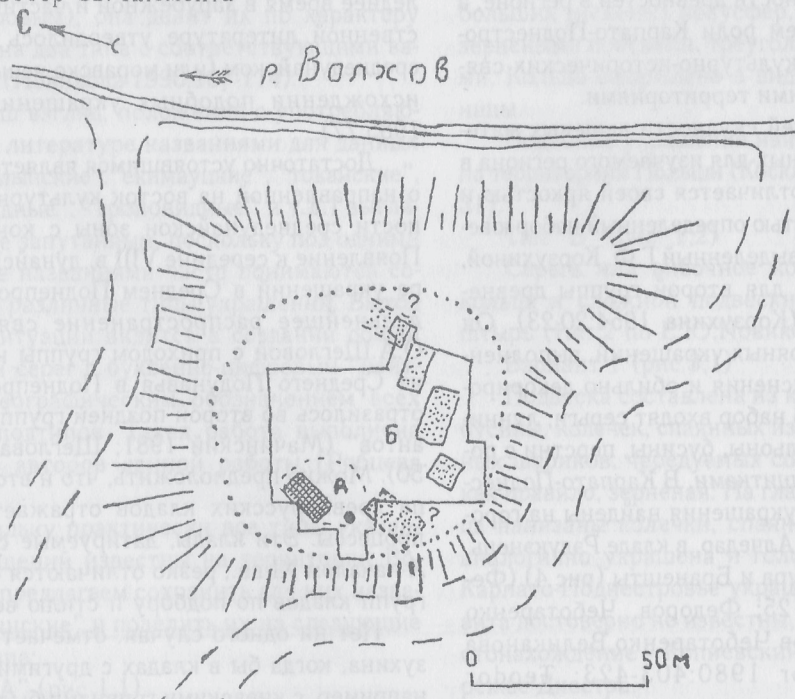

Рис. 2. Старорадожское Земляное городище. Реконструкция топографической ситуации в древности и схема застройки I яруса (750-е — 760-е г.г.)

A — производственная зона; Б — жилая зона;

? — предвходные настилы и предполагаемые на их основании "большие" дома.